

Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 52

Лагерь ужасов
Следы в темноте

Большая книга ужасов

Мария Некрасова

**Большая книга
ужасов – 52 (сборник)**

«ЭКСМО»

2013

Некрасова М. Е.

Большая книга ужасов – 52 (сборник) / М. Е. Некрасова —
«Эксмо», 2013 — (Большая книга ужасов)

«Лагерь ужасов» Ехать в санаторий Влад Воробьев совсем не хотел. Засмеют же! Здоровый парень, и вдруг по санаториям раскатывает! Нет бы в спортивный лагерь отправили! Да и странные они все какие-то оказались там. Одна прозрачная санитарка чего стоит. А математичка, уверенная в том, что именно Влад поджег ее дом, хотя он и пальцем к нему не прикасался? Вот Влад и решил сбежать – обратно домой. Но вырваться оказалось не так-то просто... «Следы в темноте» Отдыхающий в детском лагере Васька и не подозревал, что предостережение взрослых не связываться с местными – не пустое. Ведь взрослые всегда так говорят: туда не ходи, с тем не дружи. Да Васька и не собирался ни с кем дружить. Он просто по ошибке разбил стекло в доме у живущей на отшибе старушки. И его жизнь резко изменилась. Уже на следующий день Васька оказался в больнице с приступом аппендицита, а когда очнулся от наркоза, обнаружил в своем рюкзаке странный сверток, внутри которого лежал глиняный человечек, утыканный булавками...

Содержание

Мария Некрасова	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	27
Глава VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Некрасова

Большая книга ужасов – 52 (сборник)

© Некрасова М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мария Некрасова

Лагерь ужасов

Глава I

Овраг

Невидимые челюсти вцепились в мой бок и дернули изо всех сил. Сон вылетел из головы, я распахнул глаза. Даже, кажется, треск услышал: опять! Ночь. На телефоне половина второго. Да я и трех минут не проспал! Почему *это* всегда приходит неожиданно и все норовит выдернуть из сна?!

Боль сверлила в боку. Зубы, или что там, впивались в меня и тянули в темноту. Нет, шевелиться нельзя, только хуже сделаешь. Я подтянул ноги к подбородку и вцепился в матрас: вот так! Попробуй теперь, сдвинь меня с места! Но *это* не желало так просто отдавать добычу. На этот раз оно вцепилось мне в ногу, дернуло... Дернуло, дернуло, дернуло... Мама!

Я прикусил кусок спального: от крика сразу проснется Кит и начнет, как всегда, разглядывать мои вены, бить по щекам... В конце концов, покрутит у виска и даст снотворного, а этого мне совсем нельзя. Нельзя засыпать слишком крепко. Нельзя раздеваться перед сном, нельзя... Да ничего мне уже нельзя! Можно только бояться и ставить крестики в календаре: день прожил – и слава богу.

Ногу не отпускали. Я, кажется, даже слышал, как хрустнула кость, но только сильнее вцепился в матрас. Главное – остаться на месте, не дать себя унести. Если не идти на поводу у минутной боли, не поддаваться, *это* уйдет, я знаю. Подергает за ноги, понюхает, полижет и уйдет, я все-таки невкусный для него. Для кого? Понятия не имею. Даже не знаю, зверь это или птица. По ощущениям, вроде похоже на гигантский птичий клюв...

Как будто подтверждая мою догадку, где-то в лесу закричала сова. Из окошка палатки пахло холодом, зашумели деревья снаружи. За сутки я уже в который раз подумал: случись что, здесь нас будут искать в последнюю очередь. Скорее, вообще никому не придет в голову ехать сюда, в огромный лес, где до ближайшей деревни не знаю сколько, но грибников не встречал. От станции мы добирались на попутке, наверное, час, а потом еще столько же шлепали пешком. Вот занесло-то! И ведь сами, сами на карте искали лесок подальше, чтобы никто даже случайно не нашел наш секрет. Мой секрет. И вот как все обернулось. Если что – никто нас тут не найдет.

Нога уже онемела, и я почувствовал, что замерз. Зубы стучали. Заледенели даже сжатые кулаки... А хватка ослабла. Значит, на меня напала птица. Они не вгрызаются, они клюют... Или все-таки зверь? Я привычно зажмурился и закрыл глаза руками: если птица, то странно, отчего сразу не начала с самого вкусного, с глаз? По пальцам ударили, как ножом. Еще и еще... Привет пернатым. Я закрывал руками глаза, стараясь не оставить ни щелочки. Невидимый клюв долбил упорно, царапая руки, кажется, мне залило кровью лицо. Я подтянул ноги еще выше, уткнул в них физиономию, закрылся сверху руками, и свежая боль ударила меня в колено.

Вот тварь! Лети домой к своим птенцам, я невкусный, вот привязалась! Невидимый клюв хватал то за пальцы, то за коленку, силясь добраться до глаз. Я лежал, свернувшись в клубок, и молился, чтобы это поскорее закончилось. Я всегда молюсь, когда *оно* приходит. В окопах не бывает атеистов, на войне как на войне. Даже убежать не могу, потому что не убежишь. Как в любом бою: откроешься – получай под дых, только не рукой, а клювом или зубами... А главное: не видишь, кто перед тобой, можно только гадать по силе укуса. Сегодня зверь,

завтра птица, и ты не видишь ее и не знаешь, когда она придет... Остается только свернуться клубком и молиться.

– Уходи, уходи... – Слова молитвы бежали в уме как будто сами, вслух я шептал это нелепое: «Уходи» – и еще думал о Ваське: как он там без меня? Я крепкий, я и не такое выдержу, а он... Господи, пусть у Васьки все будет хорошо. Я выдержу, лишь бы он сам...

Клюв воткнулся под лопатку. Я взвыл и на секунду отнял руки от лица. Птице этого хватило, чтобы полоснуть меня по виску, еще б миллиметр, и прощай глаз. Слезы кольнули где-то в носу: Ваську жалко. Зачем я оставил его одного в лесу, он же не сможет один, он же маленький! Пусть Васька будет молодцом! Пусть у него все будет в порядке, пусть... Я, кажется, уже молился вслух, жуя несчастный спальник, когда птица лениво стукнула в плечо и притихла.

Меня снова обдало холодом. Под кожей будто бегали маленькие льдинки, и тонна зимней одежды меня не спасала. Улетела тварь? Необязательно. Если бы я хоть что-то видел, а так... Нет, я не буду раскрываться, пока не пойму, что птицы больше нет рядом. К тому же холодно. Я свернулся еще плотнее и натянул спальник на голову. Мне последнее время вообще неохота раскрываться. Если бы в школу не гнали, я бы так, свернувшись, и лежал целыми днями. Не надоело бы! Когда тебя могут убить в любую минуту, такая ерунда не может надоесть.

Классе во втором, когда по утрам не хотелось в школу, я мечтал о собственной комнате в четвертом измерении. Этаким пространственно-временном кармане, не знаю, как правильно назвать. Из любого времени, из любого места шагнул в сторону – и ты уже там. В малюсенькой комнате, чтобы только диван помещался и компьютер, конечно. Комната отдыха, комната для тайм-аута: сиди себе, хоть весь день, никто тебя не найдет, никто не хватится. Потому что вернешься ты из нее в то же самое время и место, откуда пришел.

Здорово? Я вот мечтал о такой. Потом подрос и понял, что шуточки с субъективным временем добром не кончатся, что состарюсь я быстро, может быть, даже слишком... А сейчас мне плевать! Я снова, и гораздо, гораздо больше, чем тогда, мечтаю о такой волшебной комнате. Черт со мной, что я там быстро состарюсь. Ведь пока я там, ничего не случится. Это же здорово: пространственно-временной карман, да я бы с удовольствием там состарился, если бы у меня такой был!.. Там никто не достанет, и я хотя бы выплуюсь.

Кит сопел в полуметре от меня, даже не проснулся. А если бы и проснулся, какой от него толк? Нет, Кит хороший друг. Из тех, кто сперва согласится поехать с тобой в лес дождливой осенью, а потом уже спросит зачем. Он не верит во все эти мистические штучки и меня последнее время держит за сумасшедшего. А я, кажется, и правда схожу с ума. Пару месяцев назад, когда мы оставили Ваську в этом лесу, Кит сказал: «Надеюсь, ты наконец-то вернешься на землю?» Я был бы рад, но как? Как это вообще можно, спокойно жить, ходить в школу, ругаться с отцом, зная, что за много километров от тебя Васька пропадает в лесу? Здесь полно хищных зверей и птиц, здесь болото, наверное, здесь... Я не смог. Я уговорил Кита вернуться забрать Ваську, если еще не поздно. Место, где мы его оставили, конечно, никто не запомнил, я специально не запоминал, не рассчитывал, что вернемся... Мы блуждали уже вторые сутки, с перерывами на ночевку, и надежда найти Ваську таяла с каждым часом. Еще я почти перестал спать.

Я свернулся покрепче и в очередной раз почувствовал себя огромной мокрицей. Они сворачиваются в такие серые шарики, будто великан козявки катал. Вот этим самым я себя и почувствовал. Бросил Ваську. Птичку боюсь так, что вставать не хочется. Не хочется – и не буду. Я уже привык засыпать в одежде (ее труднее прокусить) и свернувшись так, что никто не подступится. Я привык, и от этого хотелось быть больше всего. Я бросил Ваську. Бросил Ваську – от этих двух слов сосало под ложечкой и стучало где-то в животе. Я боялся, что Васька нас не дождет, не доживет. И сам себя спрашивал: «Чем ты думал, когда сам же привез его сюда?»

Думать об этом было невыносимо. Мне захотелось вскочить и прямо сейчас бежать в лес одному и без Васьки не возвращаться. Ночь длинная, я найду. Еще вернуться успеем до того, как проснется Кит. Фонарик у меня хороший, не заблужусь. Страшно? Страшно, когда Васька один неизвестно где. Я его найду, и все будет хорошо.

Я разогнул пораненные, затекшие ноги, боль резанула коленку, но тут же прошла. Надо идти. Потихонечку расстегнул «молнию» спальника (Кит нервно всхрипнул), выбрался в предбанник. Нашарил фонарик в рюкзаке, сапоги (надеюсь, мои) и ступил в ночь.

По лицу тут же ударил ветер и горсть осенних листьев, как пощечина: ищи давай иголку в стоге сена. Пальцы сейчас же скрючило от холода, даже мыслишка предательская мелькнула: «Скорее назад в палатку!» – но нет. Хватит терять время, надо искать. На цыпочках я отошел от палатки и включил фонарик. Наконец-то рассмотрел свои руки: думал, тварь до кости ислеквала, а нет, пустяки. «У страха глаза велики» – это про меня. Руки как руки. Красные, шершавые, чуть подпачканы кровью, несильно, будь фонарь послабее, я бы не заметил. Пара царапин всего. Нельзя ж так всего бояться!

Позади послышался шорох целлофана. Разбудил Кита! Или ветер? Я направил луч на палатку. Целлофановый тент развивался на ветру. Плохо закрепили. Но шуршал не только он, мне показалось, я слышал звук застежки или...

Изнутри палатки правда дергали «молнию» и как будто лупили в брезент кулаком. Нервно так дергали. Стучали, как будто очень, очень торопятся. Ну да, проснулся Кит, увидел, что меня нет, заволновался, спешит искать.

– Я здесь! Не доламывай застежку. – Прятаться уже не было смысла.

Кит задергал бегунок еще сильнее и почему-то не ответил.

– Я здесь, глухая тетеря!

Сразу два кулака врезались в стену палатки, что-то зашуршало внутри...

– Эй, ты не молчи там!

На входе уже открылась малюсенькая щель, но бегунок, похоже, заклинило.

– Кит! – Звон бегунка и больше ничего.

– Да что происходит?! – Я рванул «молнию» и получил в лицо залп холодного воздуха.

Из палатки на меня вылетела огромная черная птица, может быть, ворон, кто их ночью разберет. Она мазнула меня крыльями по лицу и пропала в темноте. Я отшатнулся, больно ударился копчиком и сел в грязь. Перед глазами поплыли цветные пятна. «Птица. Это всего лишь птица», – я твердил про себя, чтобы успокоиться. Сердце стучало в ушах. Как она проникла туда? Мы же застегнулись на все застежки? И как там Кит?

Я притушил фонарик и осторожно заглянул в палатку. Цветастый горб-спальник плавно вздымался и опускался, и никакие птицы не мешали ему. Вот сон у человека! Я даже позавидовал. Разбудить, что ли? Все не одному маяться. Пусть идет со мной искать Ваську, в конце концов, мы вместе в это влипли, вместе и выплывать. А он – спит. Хотя ночью, пожалуй, Кит не пойдет. А то и меня не пустит. Скажет: «Совсем ты сбрендил!» – и будет прав. Я действительно совсем сбрендил.

Потихоньку выбравшись из палатки, я сто раз проверил, хорошо ли застегнута «молния», отошел, стараясь не шуршать листьями, и только тогда включил фонарик. Там, где мы оставили Ваську, был овраг и, кажется, заброшенный погост. Кит подозрительно посматривал на низенькие давно заросшие холмики, слишком аккуратные, чтобы не быть рукотворными, но молчал. Я тоже молчал, потому что не хотел его пугать, а сам думал, что в таком месте Ваську точно никто не найдет. За двое суток мы прочесали, наверное, две трети этого леса, мне осталось совсем чуть-чуть. Может быть, управлюсь до утра, и поедем домой. Я сверился с компасом и решительно свернул вправо.

В самой чаще ветра почти не было, я слышал каждый листик под ногами и каждый шорох в кустах. В Интернете пишут, что зверь здесь водится, но мы лично с Китом не видели ни

одного. А если все-таки есть? Я даже замер на несколько секунд, чтобы получше осветить все кусты вокруг. Если здесь водится кто-то крупнее белки, то как раз сейчас, по закону подлости, ему самое время выскочить на меня. Я один, без Кита...

В кустах как будто что-то мелькнуло, мелко зашуршали осенние листья под чьими-то шустрыми лапками. Явно мелочь. Надо идти. Я направил вперед луч фонаря и услышал новую порцию шорохов. Кто-то впереди торопливо уходил, ломая ветки. Эти шаги были уже тяжелые, как в ботинках на толстой подошве. Неужели человек? Ну и что, даже если так? Может, оно и к лучшему, что здесь встречаются люди. Не так страшно.

– Эй, кто здесь? – Собственный голос показался далеким и каким-то жалким. Как будто не я звал, а меня. Несколько секунд я стоял и прислушивался, но никто не ответил. И даже не шуршал больше листьями. Но мне нужно было именно туда, откуда слышались шаги. Я выждал еще немного и пошел. Интересно, кто там и почему прячется? Может, такой же ненормальный трус, как я? Даже ответить испугался? Или бомж какой-нибудь, зачем ему незваная компания? Еще, говорят, сектанты любят такие места, где можно без свидетелей провести какой-нибудь ритуал с жертвоприношениями. Они бы, конечно, предпочли кладбище, но ведь и здесь где-то есть заброшенный погост.

Я думал все это и шел вперед за лучом фонаря, туда, откуда слышал шаги. А может, все-таки крупный зверь? Пройдя несколько метров, я зашарил лучом по кустам, где мой невидимый спутник? Шагов больше не было слышно, значит, ушел он недалеко. Может, это Кит за мной шпионит? Скорее всего, так оно и есть, где еще такого дурака найдешь, гоняться за мной ночью по лесу?

– Кит! – позвал и тут же передумал. Я ведь не так далеко ушел от палатки, вдруг он там спит себе и ни о чем не подозревает. А тут я ору из леса...

Никто не отозвался. В луче фонарика кривлялись ветки, поблескивала грязь и мокрые опавшие листья. Никого живого. Я медленно шел, оглядываясь на каждый свой шаг, казалось, что ветки хрустят не только под моими ногами. Скорость пешехода в лесу два-три километра в час. Да нам столько и осталось того леса! Вперед!

С этой мыслью я решительно ступил на особо громкую ветку. Она хрустнула так, что зубы заболели, а земля на секунду ушла из-под ног. За одной веткой хрустнула другая, третья... Я уже осознал, что скатываюсь в яму, а ветки еще хрустели за спиной пулеметной очередью. Из-за толстого слоя одежды я почти не чувствовал их, только слышал хруст и уже гадал, сумею ли выбраться из той ямы.

Звуки стихли разом, даже птицы замолкли. Я лежал на земле и смотрел, какое светлое, оказывается, небо в ночном лесу. Над отвесными черными стенами оврага плыла светло-серая полоса неба. Слава богу, я уж испугался, что угодил в волчью яму. Хотя откуда им тут взяться-то! А овраг – не беда. Из оврага как-нибудь выберусь.

Я сел и стал шарить вокруг упавший фонарик. Выключился, конечно, выключился, по закону подлости, иначе никак. Под руки попадались ветки, камни, даже обломки каких-то железок и осколки (а я-то вообразил, что мы далеко от цивилизации!). Я загребал руками, как экскаватор, и все попадалось не то. Плюнул, стянул перчатку и тут же схватил в кулак здоровенный кусок стекла!

Боль врезалась почему-то в обе ладони, я отбросил стекляшку и заткнул царапину скотчанной салфеткой. Вот и сходили в поход! Несколько секунд я просто сидел, вглядываясь в черное дно оврага: вдруг блеснет где-нибудь мой фонарик? Корпус металлический, что ж ему не блеснуть? Царапина болела, я зачем-то сильнее сжимал кулак, хотя от этого становилось только хуже. А наверху шелохнулись сухие листья.

Я поднял голову. На краю оврага на фоне светлого неба чернели стволы. Мне показалось, я видел какое-то движение там, между ними, но сколько ни вглядывался, деревья оставались неподвижными. Нервный я стал последнее время! Ох, какой нервный! Фонарь вот найти не

могу, хотя не мог он здесь далеко укатиться. Осторожно, рукой в перчатке я ощупывал дно оврага. Ветки, камни, корни. Поползал на карачках туда-сюда, не мог он, правда, далеко закатиться. Вот остаться наверху или зацепиться за что-нибудь на стене оврага – запросто. И почти наверняка так и произошло. Вот радость-то! Теперь мне выбираться вслепую.

На ощупь я нашел какой-то выступ в стене оврага, поставил ногу. Схватился за длинный корешок, торчащий из земли, подтянулся... и рухнул навзничь! В лицо мне посыпались комья земли, да много так! Я увертывался, даже отряхиваться успевал, а земля сыпалась и сыпалась, как будто надо мной ковш экскаватора. Как будто, вырвав этот корень, я обвалил всю стену оврага. Корень я еще держал в руке. Комья земли летели в лицо, как мокрые пощечины, я еле увертывался, а под ногами уже была приличная насыпь. Что ж, легче будет вылезать. Где-то наверху опять хрустнула ветка. Но это все обвал, и внимания обращать не стоит. Я все-таки инстинктивно глянул в ту сторону и опять заметил движение среди стволов. Ветер. Обвал. Ерунда, надо выбираться. Фонарик я теперь точно не найду.

Землей меня засыпало по колено, пришлось побарахтаться, чтобы встать на насыпь. Стена оврага после обвала стала еще более отвесной, как будто ее заровняли великанской лопатой. Я пощупал землю здоровой рукой, поймал на макушку несколько запоздалых комьев, нет, здесь не вылезти. Надо пройти дальше по дну оврага, может, найдется более пологая стена. Кое-как продираясь сквозь насыпь, я побрел вперед. Из стен торчали коряги, впереди поблескивали серые стволы с ободранной корой. Бурелом. По нему-то и выберусь. Первые минуты я не видел почти ничего, кроме этих стволов, но скоро из-за туч показалась луна, и овраг показался мне во всей красе.

И кто из нас решил, я или Кит, что здесь не ходят люди?! В метре от меня на земле валялась белая тряпка, чем-то перепачканная. Я зачем-то шевельнул ее носком сапога, и пятна, подсвеченные луной, показали свой цвет. Ржаво-красный цвет крови. Я еще соображал, что бы это значило, а глаз уже отметил, что тряпка когда-то была чьей-то майкой, просто ее разодрали на бинты. Рядом валялся пустой аптечный пузырек темного стекла. Ничего страшного. Просто кто-то здорово поранился здесь в овраге, вот и все. Вон сколько острых сучков! Потом ему полегчало, он снял бинт и ушел, а тряпки остались. Здесь же никого нет!

Хрустнула ветка. На этот раз впереди, в самом буреломе, я аж подпрыгнул, так близко был звук. Луна освещала поваленные стволы, сухие ветки, ковер пожухлых и недогнвших листьев с пробивающимися запоздалыми травинками. Особняком стоял засохший куст борщевика. И могу поклясться, что секунду назад он был еще целым! Зонтики его еще покачивались на обломанных ножках, как маятники, здесь точно кто-то был и выскочил передо мной!

Зверь. Это зверь. Если испугался меня, значит, некрупный, а то пришел бы сам разбираться, что я делаю на его территории. Всего лишь зверь. И он убежал. Я сел на землю и уговаривал себя, наверное, даже вслух, что это зверь, и бояться нечего. Да и что бы там ни было, оно уже ушло и оставило мне бурелом, чтобы спокойно вскарабкаться наверх.

Осторожно одной ногой я наступил на поваленный ствол и попробовал его на прочность. Вроде ничего, держит. Подергал ветки повыше – сойдет, вцепился, подтянулся... И еле успел отскочить, чтобы здоровенное бревно не рухнуло на меня. Остатки подгнившего ствола свалились мне под ноги и рассыпались ошметками. Надеюсь, они не все такие? Следующую ветку я выбирал долго. В конце концов, нашел поцелее, но она оказалась слишком короткой, чтобы до нее дотянуться. Тогда я стал карабкаться по стене, лишь иногда опираясь на поваленные деревья. Одно чуть не уронил себе на ногу, другое скатилось само и устроило еще один обвал. Воевать в темноте с сухими ветками – то еще удовольствие. Я зажмуривался, отворачивался, и все равно исцарапался весь. А самое главное: мне казалось, что я и на миллиметр не приблизился к свободе. Как будто овраг проседал подо мной, хотя под ногами был уже добрый метр пройденного пути, его верх казался таким же далеким.

Где-то закричала птица, и луна ушла за тучи. Я выкинул наконец-то скомканную окровавленную салфетку, которую держал все это время, вцепился в очередную ветку, шагнул. Наверху кто-то хмыкнул так близко и отчетливо, как будто ждет меня на краю оврага и не верит, что я выберусь сам.

– Кто здесь?

Сухие листья шаркнули под чьей-то ногой, и снова все стихло. Кит, что ли, за мной шпионит?

– А я тут застрял!

В ответ наверху захихикали. Негромко, но высоко, точно Никита меня выследил! Вовремя он!

– Эй, Кит! Ты, чем прятаться по кустам, дал бы руку или... Ногу...

Там наверху сделали шаг, и до меня как-то сразу дошло, что никакой это не Кит. Кит выше ростом, и не носит на голове такого дурацкого цветастого платка по самые брови...

Я отпустил корешок, который держал, съехал на пузе вниз и рванул через бурелом дальше, по дну оврага. Стволы и корни под ногами я перепрыгивал каким-то чудом, ни разу не споткнулся тогда. Нашла нас! Добралась! Ничего, мы еще посмотрим, кто из нас раньше найдет Ваську!

За себя я, конечно, тоже боялся. Боялся и летел через бурелом, как по гладкому асфальту. Боялся и думал: где-то ведь кончается этот овраг. Что тогда? Она спустится за мной? Обязательно спустится, я видел, как она неспешно бредет по краю оврага, а я там бежал, и мы двигались наравне. Я был в ловушке. В любой момент она могла спуститься, и тогда... Она просто играла со мной, как сытая кошка с едой, даже не с мышкой, а куском, например вареной курицы. Мышка хоть бегать умеет.

Я бежал и боковым зрением продолжал видеть ее платок, как я прежде-то не заметил, идиот, она небось меня вела от самой палатки! Откуда она взялась, я уже себя не спрашивал.

Луна стояла высоко в небе, а впереди показалась серая от листьев отвесная стена оврага. Приплыли! Кончился овраг! Черный цветастый платок мелькнул наверху, я заметил, что он стал еще ближе ко мне, может быть, на пару шагов. Стены оврага стали ниже. Впереди маячил тупик, а я все бежал и притормозить не мог, как тут затормозишь! У самой стены я даже зажмурился, поднажал, сделал несколько тяжелых быстрых шагов по размытой земле, вцепился на ощупь в какой-то корень и выбрался.

Под ногами уже была ровная земля, вокруг лес, а в метре от меня была она. Я нырнул в кусты и побежал напролом, не считая царапающих веток. Не спотыкался я просто чудом, казалось, что самые разлапистые коряги в лесу специально сползаются мне под ноги. Я смотрел только на черный платок в метре от себя и молился, чтобы он отстал. Деревья сгущались передо мной, я боялся, что сейчас не впишусь, рухну, и она меня тут же схватит. Вытянул руки и летел на ощупь, пока не выскочил на поляну, где стояла наша палатка.

Навстречу мне выбежал Кит. Он махал руками и что-то кричал, я не слышал что. Приближался к нему, но не слышал лучше. Остановился я только тогда, когда заметил, что платка больше нет рядом.

Глава II

Местные

– Вот же неймется людям! Выловить бы по одному! – Кит сплюнул на песок розовую слюну и посмотрел на меня так, будто я во всем виноват. Видок у него был аховый: нос разбит, над глазом наливается здоровенная слива, на неделю как минимум. Кулаки ободраны, будто стену каменную лупил. – ...Так ведь они только стадом ходят, бе-е! – Он показал язык в сторону поселка, где, скорее всего, и жили наши обидчики. И ведь приличный с виду поселок: аккуратные новые домики и целая улица навороченных таунхаусов. А сами – шпана шпаной, как в старых детских фильмах!

– Спорим, теперь не отвяжутся?! – ворчал Кит, загребая из реки водички с песком, чтобы отмыть руки. – Каждый день нас тут караулить будут, а может, и в лагерь явятся. А все ты!

Я умывался в реке и рассматривал свое помятое отражение: вроде ничего, отделался разбитой бровью. До Кита мне было далеко.

– Чего я-то? Сам не захотел никого с собой брать: «Да ну их, настучат еще!» Пошли бы большой компанией, фиг бы кто к нам привязался.

– Настучат! Помнишь, что в прошлый раз было?

В прошлый раз нас тут поймали тепленьких: Леха, воспитатель нашей группы, пошел купаться после отбоя и наткнулся на своих. На нас. Я думал, такие глупые ситуации бывают только в кино: непонятно, кто кого застукал. И если бы один придурок (Сашкой звать) не побежал к Лехе первым и не начал оправдываться, то все бы обошлось. Но что сделано, то сделано: нагоняй с донесением родителям получили все, а кое-кто чуть не вылетел из лагеря, потому что попался не в первый раз.

Кит приложил к больному глазу камешек из реки:

– Теплый, черт... Теперь точно стукнут! Над нами пол-лагеря хохотало. – Он кивнул на решетчатый забор в паре сотен метров от нас. Между лагерем и берегом реки – ни куста, ни деревца. Через голое скошенное поле было прекрасно видно, как на заборе висит малышня и, кажется, горячо обсуждает постыдно короткую драку между нами и местными, которую только что видели. Надеюсь, они хотя бы болели за нас.

Пересчитывать раны, когда на тебя пялятся, было неудобно, как будто ты случайно уселся в праздничный торт на сотню человек и подвернул ножку. Обычно мы сбегали купаться под откос, дальше по берегу, то место от забора не видно. Но в этот раз местные пришли к реке раньше нашего... Долго рассказывать. Мы сидели на берегу напротив самого лагеря, как на ладони. Битые и злые.

– Ну и пусть! – Я поднял камешек, демонстративно швырнул в сторону забора и, конечно, не добросил. – Нам-то что? Домой все равно не выгонят. Сколько там, говоришь, путевки стоили?

– Да не, я так. – Кит опять потрогал заплывающий глаз. – Сходили окунулись! – Он загоготал так противно, что я понял: расстроился.

Я в детстве думал, что «местные» – это ругательство. Приедешь в лагерь, тебе сразу: «За территорию не ходи, местные побьют»; а если в лагере пропадет или сломается что-то ценное, говорят: «Местные балуют». Мы с Китом каждое лето куда-нибудь ездим, у него отец торгует путевками в детские лагеря... И везде эти местные! Мне кажется, они специально селятся рядом с лагерями, чтобы всех там доставать.

– Давай, – говорю, – хоть стекла им побьем для острастки. А то ведь правда не отвяжутся. Узнаем, где живут...

– Я видел дом! – Кит вскочил, сверкая опухшей своей физиономией, и выставил вперед скрюченный палец. – Вон туда они побежали к убогой избушке. Она небось заброшена давно,

вот они там и кучкуются! Набирай камней! – Сам присел и поспешно стал собирать камни в снятую майку.

Убогий бревенчатый домик стоял чуть на отшибе, как будто сторонясь раскрашенных новеньких избушек и таунхаусов. На их фоне он и правда здорово выделялся, как будто забыли снести. Но вид имел вполне жилой: занавески на окнах, в огороде парник и какая-то ботва...

– Ты уверен?

– Точно тебе говорю, туда они побежали!

К нам домишко был ближе всех, и к лагерю – тоже, удирать будет удобно. Я набил карманы камушками и побежал за Китом, который уже хромал по песку вершить правосудие. Камень в окно – и бегом. Ой, а как он побежит, хромой-то?

– погоди! – кричу. – Давай хоть велики в лагере возьмем, у тебя нога!

Кит только отмахнулся и прибавил скорости, как будто показывая, что нога ему не помеха. А я уже засомневался в своей идее. Вот всегда так: сперва ляпну, а потом жалею.

– Да подожди ты! Слушай, ну не все же они в одном доме живут?!

– Не дрейфь, Котяра, будешь толстый и красивый. Какая тебе разница? Проучим одного, другим неповадно будет. Я видел, как они бежали сюда, а кто из них тут живет, не все ли равно?

На «толстого и красивого» я обиделся, потому что я и есть толстый и красивый. У каждого свои недостатки, что ж теперь, всякий раз напоминать?! Но момент был неподходящий для ссоры, так что пришлось обижаться молча.

Я пощупал камни в кармане. Чем ближе мы подходили к злополучному дому, тем больше я сомневался: стоит ли? Вот кто тянул меня за язык? На заборе лагеря висела мелкота, предвкусная зрелище, точно ведь стукнут! Но Кита было уже не остановить. Он вприпрыжку прибежал к щербатому дощатому забору, раздраженно оглянулся: «Ну где ты?» – и присел, как будто его так не видно из дома.

Окна были наглухо зашторены, но в заборе не было половины досок. Если бы эти в доме захотели, они бы нас увидели. Но к окнам пока никто не подходил.

– Тщ! – Кит потянул меня за майку, заставляя пригнуться. – Обходи с той стороны, а я здесь. Бросим камни одновременно, чтобы сразу с двух сторон зазвенело. Ух они забегают! – Он побрякал камнями в майке и выбрал один. – Иди уже!

Я послушно пополз вдоль забора на другую сторону и вполз прямехонько в заросли репейника. Укрытие было хорошее, я присел и раздвинул лопухи, ожидая команды.

– Давай! – Кит махнул рукой, и тотчас послышался звон. Надо же, сразу попал! Я швырнул один камень не глядя (мимо), полез за вторым и тут в доме хлопнула входная дверь.

На порог вышла женщина. Платок на ней закрывал пол-лица так, что возраста не разберешь. Она рассеянно уставилась прямо на меня, но, кажется, не видела. Губы ее шевелились, но я не слышал ни воплей, ни ругательств, будто она сама с собой разговаривала или напевала. А где все? Ну эти, которые, Кит говорил, побежали в этот дом?

С другой стороны дома послышался такой топот Кита, что я сразу очнулся и решил, что пора удирать. Кинул второй камень наугад, услышал, как со звоном посыпались стекла. Вскочил, оставив репейнику хороший клочок своих волос, и рванул к лагерю. А тех, местных, в доме-то и не было! Хотя, может, просто не захотели выходить. Женщина что-то крикнула мне вслед, но кто же прислушивается к проклятьям в спину!

Я бежал к забору и думал, что меня она точно запомнит и точно в лагерь явится искать. Шевелюра у меня приметная: белобрысая, а сейчас на солнышке выгорела – вообще седой стала. Запомнит! Как пить дать, запомнит! Из-за моего дурацкого языка мы с Китом можем запросто уехать домой раньше срока, сколько бы там ни стоили путевки. Вот всегда я так! На днях Егору сказал, что он придурок, прям при его бабушке. Узнал много новых ругательств, а подзатыльник получил такой, что до сих пор голова гудит. Трудно жить балаболам. Но весело!

Мелочи у забора уже не было, похоже, все ушли на обед. Сейчас и нас хватятся! А Кит, кажется, еще не пришел. Странно, он же убежал вперед меня... Я потихоньку шел вдоль забора к перелеску, наверняка Кит ждет меня там, чтобы не светиться в скошенном поле.

У деревьев меня окликнули.

– Наконец-то! А то мы ждем-ждем, неудобно вас как-то по одному лупить. И так много чести! – Между березами стоял долговязый парень, в спортивной куртке на голый торс и девчоночьих красных кедах. Из-за этих кед я его и запомнил, а то лица у всех местных какие-то одинаково сизые, не различишь.

За спиной у «кед» стоял парень в тельняшке и двое мелких без особых примет. Мне даже весело стало: надо же, подкрепление вызвали: полчаса назад мелкий в этой компании был только один. Напротив, ко мне спиной, стоял Кит и теребил в руке камешек.

– Вы что это хулиганите, стекла вздумали бить в чужом поселке? – «Кеды» некрасиво сплюнул под ноги и вопросительно уставился на Кита.

– А что, дует? – спрашиваю.

– Я те ща дуну! – Парень в тельняшке рванул на меня с кулаками, но «Кеды» его удержали.

– Погоди ты, не горячись! Просто интересно, чем люди думали...

– А ты чем думал, когда на берегу пристал? – проворчал Кит и слета получил от «буйной тельняшки». Конечно, дал сдачи, конечно, получил еще. «Кеды» и мелкие сначала пытались разнять, но, кажется, специально зацепили меня по носу, и кулаки мои среагировали сами.

Дальше плохо помню. Я врезал разок «Кедам», а потом пытался достать мелких, пока затылок мой не встретился с землей. В небе закружились верхушки деревьев, по лицу неловко мазнула чья-то нога, «Кеды» сказал: «Хватит», – и мы с Китом опять остались пересчитывать раны. Еще одна короткая бесславная драка. Вторая за час, причем с теми же самими.

– Не, ну ты видел? – Кит присел на корточки, опершись на ствол спиной. Его глаз, подбитый на берегу, заплыл окончательно, разбитые кулаки опять закровили. Вид был жутковатый, Лехе на глаза лучше не попадаться.

– Просто им скучно жить в деревне, вот они и цепляются к городским.

– Да ну! – Кит потрогал подбитый глаз. – Давай, что ли, ребят из лагеря соберем...

– Стенка на стенку? Нас тогда точно выгонят. Если в драке не убьют.

– Вот они где! Вас весь лагерь ищет! – Сашка подкрался, как тот капец. Он стоял по другую сторону забора и старательно вдавливал свою физиономию между прутьями.

– Тебе чего? – Кит повернулся к нему лицом, и Сашка отпрянул. Я бы тоже отпрянул.

– Ой! Никита, кто тебя, а? – Сашка даже оглянулся, будто опасаясь, что Китов обидчик еще где-то прячется и вот-вот выскочит, чтобы Сашке тоже досталось.

– Не бойся, – говорю. – Они уже ушли.

Кит раздраженно зыркнул на него, неужто хочет отыгаться на Сашке?!

– Кто надо. Чего хотел?

Сашка поймал его взгляд и на всякий случай отошел от забора:

– Так, в столовку идите. Только потихоньку, как будто вы там и были. Вас уже ищут все...

Ну Никит, правда, кто? Вась, хоть ты скажи!

Я промолчал, потому что я не «хоть».

– Будешь много знать, такой же красивый будешь. Пошли. – Последнее Кит бросил мне и полез прямо через забор.

Лагерь как будто вымер. Никто не носился по дорожкам туда-сюда, малышня не выскакивала из кустов с брызгалками, на баскетбольной площадке не стучал мяч, даже на стадионе никого не было. Ну и что, что время обеда! Обед – дело добровольное, и совсем не такое, чтобы обезлюдил весь лагерь. Мы брели к столовке, а я ловил себя на дурацком страхе: сейчас зайдем, а там – никого.

У самой столовки все-таки нашлись два живых человека. Они ревели в голос, изредка обмениваясь короткими тумаками с расстояния вытянутой ноги. Я прибавил шаг, потому что один из них явно был Егор. Приметный парень, здоровенный, выше и шире даже нашего физрука. То, что он выл, как малявка рядом с ним, и гримасы корчил такие же, могло означать только одно...

– Вот ведь злобный карлик! – прошипел Кит и рванул бегом. Странно, что на рев еще не бежались воспитатели, значит, мы успели к самому началу. Вечно мелкоте нейдет!

Кит подскочил к парочке первым и тряхнул малявку за шиворот:

– Так! Быстро отдал ему банку!

При слове «банка» Егор нервно обернулся и вопросительно глянул на нас типа: «Где?» Отчего-то мне всегда неловко смотреть ему в глаза. Я быстро уставился на мелкого, будто он меня очень интересует.

– Уже! – Мелкий всхлипнул и поднял физиономию, украшенную здоровенным фингалом.

– Черт... Где болит, говори. Руки-ноги гнутся? Пошевели пальцами...

Мелкий опасливо косился на Кита, украшенного синяками, но сопротивления не оказывал. Только всхлипывал, размазывая по лицу грязь, похоже, Егор успел его и в землю повалить.

– Тебя мама учила не связываться с придурками? – спрашиваю.

Егор не расслышал меня, потому что опять заревел, как сто бизонов, а малолетка неоригинально ляпнул:

– Я пошутил.

– Ну и дурак. – Кит подтолкнул его в спину. – Получил, пойдем теперь к медсестре сдаваться. Только быстро.

– Я сам. – Мелкий вырвался и дал стрекача, будто боялся, что Егор или мы побежим догонять. Бежал он в правильном направлении, так что все нормально.

Егор стоял к нам спиной и выл, прижимая к себе пакет с драгоценными своими банками. Обычными металлическими из-под всякой там кока-колы. Они у него всегда с собой в этом замусоленном пакете с порванной ручкой, завязанной узлом. Егор даже спит, говорят, с пакетом в обнимку. Что с него, дурачка, взять! Где он эти банки находит в лагере, который день и ночь убирают тучные стада техничек, – загадка. Подозреваю, что он так и приехал со своим пакетом. Однажды, когда мы пошли купаться с его группой, Егор чуть не погиб из-за такой вот банки. Увидел на дне и пытался достать, пока трусы за корягу не зацепились. Ревел потом, потому что так и не достал. Уходить не хотел, еле уволокли.

Киту нравится думать, что Егор эти банки сдает. Так хоть какая-то польза есть, а значит – и какая-то логика в Егоркином поведении. Но это все Китовый трусливый оптимизм. Мне, может, тоже хочется думать, что все инвалиды в метро вечером расправляют подогнутые ноги и едут домой ужинать. А вот чтобы Егор добровольно отдал кому-то банку, даже за деньги, я себе не представляю. Это не заработок, это страсть. Ненормальная, больная, как все страсти. Только еще и дурацкая. Так-то Егор хороший парень, добрый, если святое не трогать. Но угадайте, какое любимое развлечение у малышни в лагере и за что получил конкретно тот пацан?

– Злобный карлик! – Кит сплюнул мелкому вслед, а Егор успокоился, как по команде, и разулыбался нам:

– Вы купались?

– А? Черт, волосы-то мокрые! – Кит зло потянул себя за челку и выжал на нос пару капель.

– Нет, – говорю. – Вспотели просто, бегали. В столовку с нами пойдешь?

Егор покачал головой и ушел, брякая своими банками. Призывать его к порядку, говорить: «Думай иногда, кого бьешь», – было бы глупо. Егор старше нас, а читает по слогам.

Кит толкнул дверь, и я не услышал привычного столовского гвалта, но удивиться не успел, вошел. Все были здесь. Несколько сотен человек сидели за столами – не стучали ложками, не болтали, как все нормальные люди, а, кажется, пялились на нас. Кит, ничего не замечая, уже шел к нашему столу, а я так и застрял в дверях, неудобно, когда на тебя все смотрят. Я уставился в ответ поверх голов типа: «Че пялитесь!» – а сам слушал Китовы шаги, такая была тишина. Но кто-то в конце концов стукнул ложкой, кто-то разочарованно брякнул: «Живые». Мне стало смешно, я захихикал, кто-то подхватил, и столовка тут же наполнилась нормальными человеческими звуками вместо этой похоронной тишины.

У нашего стола Кита уже отчитывал Леха. Меня увидел:

– И тебя касается! Поедите – сразу ко мне. Пока без вещей. Родителям долго за вами ехать, успеете собраться.

– Леш, да ты что! Мы только на минутку вышли!..

– Я все сказал. Жду. – И ушел с таким видом, будто у него дел много.

– Остынет! – подмигнул мне Кит и пододвинул поднос с обедом. – Держи, я тебе уже взял. Здесь, говорят, в первую смену кто-то пропал, вот все и стали параноиками. Будем ныть, что вышли на минутку за улетевшим мячом. Простит, он отходчивый.

– А вы что, у забора в футбол играли? – Только сейчас я заметил Сашку. Этот балбес сидел прямо рядом со мной и пальцами выуживал ягоды из компота.

– Да! – Мы рывкнули это хором с Китом, потому что нечего всяким Сашкам правду знать.

– А подрались-то с кем?

– Между собой. Понял?

– Так бы и сказали. А то Леха весь лагерь на уши поднял, меня вот послал вас искать... В ту смену в нашей группе, и правда, двое мальчишек пропало. Одного нашли потом мертвого.

Сашку мы уже не слушали. Кит вдохновенно налегал на картошку, а я ковырялся в тарелке и думал, что домой не хочу. Не наотдыхался еще. Мне и здесь неплохо. Есть, конечно, свои минусы. К речке, вот, приходится сбегать, потому что режимом предусмотрено два купания в неделю, да и на те Леху не уговоришь. Этот человек будет счастлив тогда, когда мы все разляжемся по кроватям и заткнемся. И чтоб до конца смены! Думаю, он бы и еду нам в постель приносил, лишь бы не рыпались никуда. Когда его нанимали воспитателем, похоже, не предупредили, что работать придется в детском лагере, а не в доме престарелых. Вот он и злится.

– ...А живот у него был вспорот очень странно: ни на зубы, ни на нож не похоже, а как будто руками рвали. Все кишки...

– Фу! Че за столом рассказываешь?! – Я залепил Сашке подзатыльник и локтем опрокинул тарелку. Красная лужа борща стекала со стола мне на штаны. Вот и поели.

– Псих! Дуй за тряпкой давай! Я правду говорю, а ты дерешься!

– Сам знаю, куда мне дуть! Поговори еще!

Кит изумленно уставился на нас обоих: он, похоже, и про кишки не слышал, был занят своими мыслями. Я, конечно, пошел за тряпкой, выслушивая в спину, какой я псих. А когда вернулся, застольная беседа о трупах была в разгаре.

– Ты видел? Ну, кишки, живот вспоротый, что там еще... Ты же здесь вроде с первой смены кукуешь. Должен был видеть!

– Нет, – насупился Сашка. Кит пожал плечами, о чем, мол, тут говорить, и занялся своей картошкой.

– Но мне Леха сам рассказывал! – не сдавался Сашка. – Он врать не будет!

Мне даже смешно стало.

– Он, – говорю, – чтобы ты за территорию не ходил, и не такое соврет. погоди, сейчас послушаем, что он для нас с Китом придумал. Я тебе перескажу, вместе посмеемся.

Сашка надулся, а я вытер стол, отнес тряпку, сел и стал ждать Кита. Есть больше не хотелось, не люблю, когда мне за столом про кишки рассказывают.

– А что ж тогда вторую смену собрали и лагерь не закрыли? – Похоже, Кит просто дразнил наивного Сашку.

– Так поймали одного. – Сашка тут же забыл, что надулся, и с удовольствием продолжил: – Из местных. Только он еще до суда в камере повесился. Потому что не виноват.

– Не виноват, так чего бояться?

– Много ты понимаешь! Тело второго мальчика не нашли. Убийца бы не забыл, куда спрятал. А самое главное, я слышал: человек не мог нанести такие раны. Да и зверь...

– А кто ж тогда? И что в тех ранах особенного?

– Не знаю, но...

– Не знаешь, не говори!

– Только парень умер не от ран, а от испуга.

– Кишки наружу, а умер от испуга? – влез Клязьма. – Я б от такого испуга...

– Дурак! Раны уже потом нанесли, а помер он целехоньким.

– Откуда знаешь? На вскрытии был?

– Рассказывали. – Сашка пробормотал так жалобно, что мы засмеялись.

Я тогда подумал, что это очередная лагерная страшилка. Этаким детский фольклор, в котором правда, может, и есть, но весьма в умеренном количестве. Мальчики, может, и пропали, но нашлись, например, где-нибудь в автобусе по дороге домой. А Киту было интересно:

– И кто, по-твоему, его так напугал?

Сашка сразу сделал серьезное лицо и выдал:

– Думаю, это какая-то потусторонняя сущность!

– Красная рука! – крикнул Клязьма (все-таки за общим столом никуда не деться. Все тебя слышат и всегда готовы поддержать разговор). Мы заржали, но Кит неожиданно нас одернул:

– Погодите вы! Мне ведь отец тоже что-то такое рассказывал про эти места. Я сам не верил, но когда вторую историю подряд слышишь про один и тот же лагерь...

Даже я наострил уши. Кит ничего такого не говорил, когда мы сюда уезжали.

– Так вот, один парень стоял у корпуса администрации... Высоченный стеклянный корпус, я специально проверил на днях, там до сих пор окно не вставили...

– Разбилось?

– Ага. Причем как будто само изнутри. Во всяком случае, те, кто был в здании, признаваться не спешат. И осколок, значит, рухнул прямо на того парня. Шейные позвонки ему перебил, почти обезглавил.

– Как это, почти?

– Голова на одном куске кожи болталась, шеи уже не было толком. И знаете, что самое интересное? В метре от того места, где все произошло, под дерном нашли прикопанного глиняного человечка. Без головы.

Я отодвинул стакан с компотом: теперь уже и пить не хотелось. Санек тоже вынул из стакана мокрые пальцы и даже не облизал:

– Магия вуду? Здесь, в лагере?

– Я тоже не очень верю, – пожал плечами Кит. – Может, совпадение. Мало ли по лагерю всяких глиняных поделок раскидано без рук – без ног. Только стекла в том окне до сих пор нет, можешь проверить. И поделка, говорят, была особенная. У нее были приклеенные волосы, очень похожие на волосы того парня...

– Да ну, фигня! – Клязьма встал и демонстративно начал собирать тарелки, он дежурил сегодня. – Это древняя магия рабов. Ты хоть одного негра в поселке видел?

Мне стало смешно, а Кит, похоже, оскорбился. Сашка встал на защиту:

– Ну и что! Все магии древние, и у всех есть первооткрыватели, что с того? Теперь их используют все, кому не лень, и необязательно негры. Вон в битве экстрасенсов...

– Уймись! – цыкнул Кит. – Хотя Клязьма правда ерунду говорил. При чем здесь негры?

– А ты ту куклу видел? – не унимался Клязьма. – Черт с ним, со стеклом....

– Можно поискать, – пожал плечами Кит. – Вряд ли ее кто-то взял на память. Скорее всего, выкинули в яму – и все. Только я не пойду! Мне как-то фиолетово, верите вы мне или нет. Оно не стоит того, чтобы копаться в мусоре.

– Ну и не болтай тогда, – пробубнил Клязьма и ушел со своими тарелками. Могу поклясться, что он тогда поверил и, может быть, даже собирался навестить здоровенную мусорную яму на задворках лагеря. Но замечен не был, так что не считается.

К Лехе мы шли, обсуждая эту историю. Кит показал мне выбитое окно и место, где, по его прикидкам, все случилось. Место как место. Подъезд без козырька, наверняка парень заходил или выходил по каким-то своим делам, а тут... Не свезло. Я зачем-то вглядывался в штукатурку на стене, сам не понимал, зачем, пока не увидел малюсенькие красные крапинки. Хотя нет, ерунда, мне тогда так показалось. Случись что, кровищи было бы побольше. Хотя, может, ее затерли давно...

– Скажи честно, что ты все выдумал. Ну почему, например, я не слышал? Если бы такое было, шумиха была бы на всю страну! В Интернете бы точно...

– Не было тогда еще Интернетов, деточка, – не моргнув глазом, сообщил Кит. – Этой истории лет двадцать. Просто отец увидел знакомое название на путевке и вспомнил. Он же сто лет этим занимается, про каждый лагерь страшилок понараскажет, только спроси.

– Так бы и сказал... погоди, а стекло?

– А что стекло? – пожал плечами Кит. – По-твоему, в здании администрации не может быть выбито стекло?

Леха встретил нас на улице и кивнул, пошли, мол. Мы побрели в его комнатку, оклеенную плакатами и календарями двадцатилетней давности. В комнате еле помещались кровать, стол и стул, такие же древние. Леха уселся на стул, оставив нам только возможность топтаться в проходе.

– Что ж, родителям я вашим позвонил, но выгонять пока не буду. Смотрите, чтобы в последний раз!

Мы заверили его, что раз самый что ни на есть последний, и уже собирались сматываться, довольные, что легко отделались. Но Леха не может без нотаций:

– Я смотрю, вы с местными успели познакомиться. – Он провел пальцем у меня над бровью, а Кита щелкнул по распухшему носу. – Вот за это у меня в другой раз и вылетите. Это не шутки.

– А что? – прикинулся шлангом Кит.

– А то! О пропавших пацанах вам уже небось доложили? Мало вам?

– Так ведь поймали того...

– Сего! Поймали не поймали, а с местными лучше не связываться, ясно?

– Ясно. Они психи. – Кит потрогал распухший нос. – А это что у тебя? – Он кивнул на коробочку на столе, откуда торчали фитили, как иголки ежа.

Леха покосился на коробку как-то виновато, но быстро нашелся:

– У малышни отобрал, фейерверки. Вроде до Нового года еще далеко, а все в лагерь с собой петарды тащат. Что за игры у вас!

– Это не у нас!

– Да идите уже! Чтобы в последний раз, вы слышали?!

Мы хором рывкнули: «Да!» – и побежали восвояси. Кит, конечно, улучил момент и стянул за фитиль одну петарду (Леха удачно отвернулся). Я, конечно, тоже не отстал и стянул еще одну. Да ни за чем! Сперва сделал, потом подумал, что у Лехи они, наверное, все сосчитаны.

Глава III

Стук

Я проснулся от чувства, что, если сейчас не открою глаза – мне хана. С похожим ощущением просыпаешься за минуту до звонка будильника, но не с таким, чтобы в ушах стучало!

Стучало. Звук доносился как будто со всех сторон, негромкий, но уверенный стук. Как будто кто-то идет вдоль корпуса и ведет палкой по ребристой стене... И по крыше. И по полу снизу. Звук доносился отовсюду сразу, у меня мурашки забегали от него.

Ребята спали. Я отчего-то робел даже сесть на кровати: лежал и гадал, что бы это могло быть. Не вставая, глянул в окно, и там ждала новая странность: на улице не горел фонарь! Ни один. Лагерь просто утыкан этими дачными фонариками, которые днем заряжаются от солнца. И с чего бы им не гореть?

Стук приближался. По стене из дальнего конца палаты он потихоньку усиливался, подходил все ближе, мне уже казалось, что этот с палкой стоит прямо напротив меня за стеной. Неужели правда местные явились? Да ну, с чего бы, спят небось у себя там давно. Хотя испорченные фонари – это на них похоже.

Я осторожно толкнул Кита на соседней кровати, но он только повернулся на другой бок, проворчав что-то вроде: «Ща как дам!» Ну и ладно! Придется одному пойти посмотреть, кто там стучит среди ночи?

На крыльце я споткнулся и чуть не расквасил себе нос, такая была темнота. Фонари действительно погасли во всем лагере. Я на ощупь спустился с крыльца и пошел по стеночке вдоль корпуса. Стук усиливался. Казалось, вот сделаю еще шаг и уткнусь в спину того, кто стучит. Я уже обошел корпус и оказался с той стороны, откуда звук был слышен лучше всего, именно отсюда я его слышал, когда проснулся. С той стороны нет окон, так что я мог не бояться, что меня увидят из палат.

Я прислонился к длинной стене корпуса и смотрел вдоль нее, но только и видел, что границу между улицей и стеной. А звук был рядом. Как будто источник прямо подо мной, как будто... Из палаты казалось, что стучат снаружи, а теперь, похоже, наоборот. Чушь какая-то. Я уже собрался возвращаться, не такой я любопытный, чтобы искать на неосвещенной улице невидимого дятла. Но тут в шаге от меня мелькнула чья-то белая майка.

Вот буквально перед носом: только что был один, а тут... Белое пятно в темноте хорошо было видно. Хозяин майки уходил от меня торопливыми шагами, и стук тотчас прекратился. Местные! Надо же, до чего дурные, поперлись ночью в лагерь, чтобы в стенку постучать. Мне тогда не пришло в голову, отчего, например, майка только одна, эти же всегда компанией ходят. Или почему они стучали, а не кинули камень в окно. Я так обрадовался, что странным звукам в ночи нашлось простое объяснение, что драпанул за белым, не думая.

– Стой!

Майка прибавила шагу, и я тоже побежал. Под ногами ни черта не было видно, да и вокруг – так себе. Робкий свет отражали стены белых корпусов, но не так уж их было много. Я бежал за белым пятном и думал: если этот выскочит за территорию, мне за ним бежать или ну его? Это здесь он один, а там... Огрести ни от местных, ни от Лехи больше не хотелось. Белый свернул в перелесок. Я напоролся ногой на корень, но старался не отставать: за перелеском будет забор, «майка» его перемахнет, и прости-прощай...

Пятно удалялось. Я поднажал, хоть это и было нелегко, под ноги то и дело попадались корни, пеньки, да и распоротая нога болела. А перелесок все не кончался. По моим прикидкам, нам уже давно пора было выскочить к забору, наверное, «майка» заблудился в темноте и забирал чуть в сторону. Я влетел лобешником в какой-то ствол, схватился за ушибленное место, а когда отнял руку, «майки» передо мной уже не было.

Перед глазами плясали рыжие пятна. Я заморгал, потому что не сразу понял, что это такое. Впереди, в сотне метров от меня горели костры.

Много-много маленьких костерков, вместе они складывались в причудливый рисунок или даже надпись, но я так и не смог ни прочесть, ни разглядеть толком, что же это изображено. Костерки весело потрескивали. От них тянуло дымом и хвойными ветками, кто их жжет-то на территории лагеря, и на территории ли? Я тогда подумал, что сплю. Ущипнул себя, ойкнул, и тут кто-то сзади быстро зашагал в мою сторону.

Я рванул сначала вперед, но к кострам уж совсем не хотелось бежать. Рванул назад – там хрустнула ветка. Похоже, этот сзади, специально гнал меня в сторону костров, как собака зайца. Спотыкаясь о корни, я сделал крюк и, думая, что обманул невидимого преследователя, ушел в чащу. Место было незнакомое. Перелесок-то малюсенький, днем насквозь просматривается, а тогда я совсем потерялся и не представлял, в какой стороне лагерь, в какой забор. Летел наугад. Под ногами хрустели ветки, а я гадал, только ли мои это шаги или чьи-то еще. Стволы больно шаркали по плечам, а я летел, не разбирая дороги. Пока впереди не показался белый корпус первой группы.

Эта махина стояла вообще в другом конце лагеря, как я ухитрился по перелеску сделать такой крюк, до сих пор не понимаю. А тогда тем более было не до того. У корпуса мирно прогуливался Егор, побрякивая своим пакетом с банками. С азартом дорвавшегося грибника он шевелил траву кривой палкой и заглядывал в каждую мусорку. Увидев меня, улыбнулся и помахал.

Светало. В перелеске проснулись птицы и орали, кто во что горазд. Кеды моментально намокли от росы, стало холодно. Точно не сплю. Я помахал Егору в ответ и опять бегом помчался к своему корпусу. Меня же в любой момент могли хватиться! Да и вообще, странно это все.

Глава IV

Опять местные

Утром Леха устроил бдительность. Я сквозь сон слышал, как он заходит в палату, стоит тихо-тихо, смотрит. Чего высматривает? А потом он подошел к моей койке и от нее – на улицу в ближайшую дверь, но тут же вернулся. Следы! Ночью меня где только не носило, конечно, я наташил грязи. Я на щелочку приоткрыл глаза, оценить палево, но Леха меня уже засек:

– Открывай глаза, бить не буду.

Я еще полежал, делая вид, что не слышу и вообще не понимаю, к кому обращается Леха. Но когда это прокатывало?

– Кот, хватит притворяться! Открой глаза и посмотри, как ты спалился. У нас, кажется, был с тобой разговор вчера?

Пришлось смотреть. От входной двери до моей кровати лежала хорошая дорожка грязи. Такая, что не отмажешься. Ребята потихоньку просыпались и с любопытством смотрели на меня, интересно же, что я придумал и куда вообще ночью ходил.

– И где ж ты был? Только ври убедительно.

Я и не стал врать:

– Ночью в стенку стучали. Я выходил посмотреть, но он убежал.

– Кто?

Я только плечами пожал: откуда мне знать, кто, если он убежал?

– Просил же врать убедительно! Похоже, придется тебя отправить домой.

– Стучали-стучали, – не моргнув глазом заявил Кит. Санек молча закивал, поддакивая. – Я поленился, а Васька вышел.

– И?

– Я почти спал, лень было расспрашивать.

Ребята захихикали, но Леха, кажется, поверил.

– Говорил вам, не связывайтесь с местными! Он один был? Ладно, разберусь. А вы двое. – Он посмотрел на нас с Китом. – Теперь будете подходить ко мне каждые полчаса и отмечаться. Раз пропустите – поедете домой. Я не желаю бегать за вами по всем окрестностям днем и ночью.

– Что, и ночью подходить?

– Смотря, как вести себя будете, – не моргнув глазом ответил Леха. – И убери за собой! – Он кивнул на глиняную дорожку к моей кровати и вышел.

Я пошел за шваброй, а когда вернулся, все накинудись на меня с вопросами:

– Что, правда кто-то стучал?

– Правда-правда, я тоже слышал!

– Да ну, тебе приснилось! Я полночи не спал, не слышал ничего. Как Кот выходил, помню, но никто не стучал.

Кит странно посматривал на меня, было видно, что он тоже ничего не слышал, а Лехе соврал из солидарности. Я заметал шваброй следы и не верил своим глазам. Следы были не одни!

Вот мои: подошва елочкой, сороковой размер, все правильно. А вот еще одни: подошвы нет, босая нога. И размерчик посolidнее. Кто-то из ребят, что ли, ночью подходил? Или сам Леха наведывался посмотреть, не убежал ли я? Было бы похоже, но что-то в этих следах было не то. Я даже швабру отставил, чтобы получше разглядеть. Пальцы ног на тех следах располагались как-то странно...

– Чего разглядываешь? – Кит свесился с кровати посмотреть на след, и у него глаза округлились. – Кто тут еще босиком шлялся?

– Не знаю, – говорю. – Видишь, какой странный след.

Ребята притихли и уставились на следы. Сашка подошел с видом знатока и закивал:

– Это ведьмино копыто. Видишь, средний и безымянный пальцы срослись? Такое часто бывает, особенно у женщин. Считается признаком колдовской силы.

Все разом смолкли и уставились почему-то на меня. Было слышно, как в своей комнате через две стены щелкает мышкой Леха.

– Это, по-твоему, женская нога? – очнулся Кит. – Мой сороковой поменьше будет! – Он поставил свою ногу рядом со следом для наглядности – правда меньше.

– Да Леха это! – крикнул Клязьма. – Больше некому. Косолапый большеногий и с ведьминым копытом...

– Что, правда такой?

– Не приглядывался. Но посуди сам, кто еще? Снежный человек?

Клязьма меня почти убедил. Я быстренько затер следы, чтобы больше не сомневаться, и нас позвали на зарядку.

Над лагерем стоял туман, садовые фонари тускло светили, надо же! А ночью притворялись поломанными. Леха бежал первым, и мы за ним ленивой цепочкой. Кит хромал впереди меня и ворчал, что добежит до ближайшей лавочки, а дальше – без него. Леха это будто слышал, и повел нас не по территории, а сразу в перелесок.

Мокрые ветки (вроде не было дождя-то) задевали плечи, майку на мне уже можно было выжимать. Все бежали и пыхтели – скукота, а я вглядывался в перелесок, пытаюсь вспомнить, где меня вчера носило? Даже в тумане заблудиться было трудно, все насквозь просматривается, вон он, корпус первой группы... Я высматривал выжженную полянку (не приснилось же мне вчера!), но ничего такого не видел в тумане.

Кит пыхтел впереди и примерялся к пенькам, чтобы присесть отдохнуть. Наконец, выбрал подходящий поваленный ствол и плюхнулся на него. Я присел рядом из солидарности и рассказал ему про ночные костры.

– Ничего себе ты погулял! Мог бы и позвать. Вдвоем, может, и поймали бы кого.

– Думаешь, это местные?

– А кто? Тебе уже мистика мерещится? Нельзя столько страшилок слушать, Сашка на тебя плохо влияет.

Мне действительно мерещилась мистика, но пока я старательно отгонял такие мысли, и уж совсем не хотел говорить о них Киту. Мой друг удивительно неверующий Фома. Даже если у него во дворе приземлится летающая тарелка, он найдет этому простое объяснение и докажет инопланетянам, что их не бывает. Краем глаза я следил за ребятами, они нарезали круги поблизости.

– Пойдем, пока Леха нас не хватился!

И мы пошли. Ребята бежали вдоль забора, отделяющего лагерь от внешнего мира. За низенькими кустами с той стороны решетки я прекрасно видел косматую макушку, но не придал этому значения. Пристроился у Сашки за спиной, побежал... И тут раздался взрыв!

Меня обдало песком и комками глины, за шиворот полетели камешки. На голову, куда только можно, насыпалась земля. Стоял бы к эпицентру лицом, точно бы без глаз остался. Глянул на Кита, он озадаченно отряхивал макушку. Ребята испуганно оборачивались, Леха уже бежал к нам, но, увидев, что два придурка в хвосте живы-здоровы, замедлил шаг и стал издали показывать кулаки. Я только шепотом спросил Кита: «Это ты?» – уже зная, что нет.

За забором хохотали местные. Они не скрывали своих лиц и голосов, что ж, Леха хотя бы на нас не подумает. Он подошел, оценил наш видок и этих за забором:

– Брысь отсюда, пока не поймал!

– Ой, боюсь! – вякнул мелкий.

«Кеды» (сегодня он был в сапогах) с вызовом уставился на Леху.

– А повежливее нельзя? Мы вообще ничего не делали, сами испугались. Что тут у вас взрывают пионеры, а?

Его компания покатила со смеху. Леха буркнул нам что-то вроде: «Говорил, не связывайтесь с местными» – и побежал, увлекая за собой остальных. В спину нам еще долго гоготала эта компания. Я хотел бежать их лупить прямо сейчас, но Кит благоразумно меня остановил. Вот ведь привязались!

– За нас никто не подпишется, – неожиданно сказал Кит уже в столовке. Я и забыть успел про этих местных, а он... Хотя вру, конечно, не забыл, просто думал в тот момент о другом.

– А если подпишется, – говорю, – сильно об этом пожалеет. Они отмороженные какие-то, эти местные. Давай колись, что придумал. Только не забудь, что нам у Лехи отмечаться каждые полчаса.

– А мы ненадолго отойдем. Отметимся, сбегает и вернемся, как раз через полчаса. – Он оттопырил карман и потихоньку показал мне фитилек от петарды. А я, понятное дело, кивнул и показал ему точно такой же фитилек.

– Они думали, у нас петард не найдется! – добавил я, и на душе стало легче.

В разведку послали Сашку. Его задачей было сидеть на заборе и обозревать окрестности с безопасного расстояния. Как только близко появятся наши друзья, Сашка звонит нам, и мы бежим к ним навстречу, стараясь уложиться в лимитные полчаса. Но то ли батарея у него села, то ли местные не попадались на глаза, мы ждали Сашкиного звонка, наверное, до обеда. Пока не надоело. Да, все это время мы каждые полчаса бегали к Лехе отмечаться. Я надеялся, что скоро ему самому надоест, но Леха – кремень, так и не сказал «довольно». В общем, дело шло к обеду, а Сашка все не звонил, и ничего хорошего это не предвещало.

Мы выждали еще полчаса, в сто первый раз показались Лехе и рванули к забору наперегонки. Сашки там не было.

– Купаться пошел, – оптимистично решил Кит, но через забор, конечно, полез. Я – за ним. Подтянулся, спрыгнул, пробежал вперед несколько шагов и почти сразу заметил Сашку.

У развалюхи (так я про себя называл дом, где мы побили стекла) торчала его светлая макушка, а вокруг... Ну да, те четверо. Кит сообразил быстрее меня, осалил по плечу типа: «Не тормози!» – и побежал вперед. Мы летели Сашке на выручку, а у развалюхи уже начиналась драка: один дернул его за нос, другой сделал подсечку...

– Чего ему на заборе не сиделось... – ворчал Кит, прибавляя шаг. – Эй, там! Четверо на одного! Нас подождать не хотите?

И тут произошло странное. То ли шпана не узнала нас издалека, то ли правда испугалась (один – это вам не трое! Хотя двоих нас они уже били), но, пнув напоследок Сашку, вся четверка дала стрекача.

Если Кита это удивило, то виду он не подал. С криком: «Бей их!» – он в два прыжка настиг последнего, сделал ему подсечку, но останавливаться не стал, помчался за остальными, на ходу поджигая петарду.

Шпана ловко сиганула через забор развалюхи, я подумал: «Уйдут!» – и тоже поджег петарду. Пока возился, двое успели скрыться на участке за ботвой, а третий уже лез к ним через забор. Кит ловко столкнул его, метнул петарду в спину убегающим и, спрыгнув, стал месить ногами мелкого, кажется. Я перемахнул через забор, попал мелкому на спину, зачем-то извинился и поискал глазами остальных. В глубине огорода шевельнулся какой-то куст. Я метнул петарду туда и, подхватив Кита, который увлекся поединком с мелким, полез обратно через забор.

Вся погоня не заняла и минуты. Сашка еще сидел на земле, а мы уже были на полпути к нему, когда бабахнуло: почти одновременно у забора и в кустах. С безопасного расстояния ругательства шпаны казались просто музыкой.

Хлопнула дверь, я обернулся. На порог опять вышла женщина, та, что и в прошлый раз. Я думал, она будет искать раненых, но шпану как ветром сдуло: только что в огороде бурлила жизнь, а тут раз – и никого...

– По кустам попрятались. – Кит тоже заметил. – Значит, обошлось без увечий. Случись что, сразу бы к мамочке побежали.

Женщина стояла на пороге и бубнила под нос. А в огороде даже кусты не шевелились. Хоть мы и были уже далеко, мне казалось, что она смотрит прямо на нас.

Глава V

Контуженая

Некоторые говорят: «Я не верю во всю эту мистику-шмистику, не видел привидений и сглазов не боюсь. Меня нельзя сглазить, раз я в это не верю». Ерунду говорят. Незнание законов не освобождает от ответственности. Особенно законов природы. Я вот в физике не силен, но бутерброду по фигуре: у меня он падает маслом вниз так же, как у профессоров физфака. Или вот кирпич. Ну теоретически, если кто-то добрый столкнет его мне на голову с крыши, то кирпичу будет все равно, знаю я физику или нет, верю в нее или считаю мракобесием. А главное – так всегда было. И задолго до рождения Ньютона предметы и люди падали с высоты, вот в чем штука. Даже когда ученых сжигали на кострах, земля все равно вертелась. Но это я так, от расстройства.

К вечеру у меня жутко разболелся живот. Еле дошел до палаты, плюхнулся на кровать и тихо корчился. Леха дал мне таблетку, но легче не становилось. В животе как будто поселился единорог и рвался на волю, пробивая себе путь рогом. Я отчего-то вспоминал рассказ Сашки про того парня, которого нашли с распоротым животом: ни человек ножом, ни животное, а как будто рвали руками. Вот что-то похожее я тогда чувствовал.

В глазах было темно, а на лбу – мокро. Краем уха я слышал, как в палате бурлит жизнь: кто-то за чем-то приходил, кто-то зачем-то уходил, все норовили поделиться со мной новостями, как будто все в порядке. Наверное, час я так пролежал, пока Леха не сообразил вызвать «Скорую». Синее расплывчатое пятно с дыркой вместо лица мужским голосом сказало: «Аппендицит», – а дальше начался мрак.

Трястись по колдобинам в «Скорой» с болью в животе – то еще удовольствие. Я пересчитывал кочки и бугорки, по которым проезжала машина, уговаривал себя, что это «лежачий полицейский», а значит, дорога уже асфальтовая и скоро приедем. Но мы все ехали и ехали, а живот мой все рвали на части. Я в красках представлял себе того парня в лесу, и казалось, что я уже выгляжу похоже. Синее пятно впереди иногда оглядывалось на меня, показывая дырку вместо лица. Оно что-то бубнило, и я даже ему отвечал. А сам только считал ухабы и мысленно просил меня пристрелить. Отчего-то казалось, что если попрошу вслух, мне не откажут.

Потом мы все-таки приехали, мне даже стало легче от того, что больше не трясет. Еще помню – лифта ждали долго и лифтерша (противное розовое пятно) возмущалась, что ее отвлекли от чая. Она склонилась надо мной так низко, я даже почувствовал, как щекочутся ярко-рыжие волосы.

– Не знаю его. Из лагеря, что ли?

– Бу-бу-бу, – ответил синее пятно-врач. Я тогда подумал, что он говорит, как другие врачи пишут – не разобрать. Значит, матерый. Вылечит.

– Ну да, из лагеря. Контуженую трогать – других дураков нет. Когда вы ее уже подожжете?

– Бу!

– Верь не верь, а что ни лето, так ребят из лагеря к нам везут с острым животом, а то и чем похуже. Эй, пионер! – Она похлопала меня по щекам. – Признавайся, трогал Контуженую? Эту... Марьпалну? Яблоки небось воровал, да?

Я сказал, что не знаю никакой Марьпалны, и яблоки еще зеленые. Лифтерша довольно хмыкнула:

– Что ж вас вожатые-то не учат, что с местными связываться нельзя!

– Бубубу, – возразил доктор.

– И ничего не выдумываю! Отчего, по-вашему, ее хибару до сих пор не снесли? Торчит, как бельмо, в элитном поселке. Думаете, ей вариантов не предлагали? Предлагали, да предла-

гатели быстро кончились. Вы травму спросите, сколько у них агентов-шмагентов перебивало? Я тот год только и возила, что на второй этаж.

Тут мы, наконец, приехали. Рыжие волосы лифтерши уплыли, по глазам резанул свет ламп. Откуда-то из-за головы женский голос крикнул: «Острый живот приехал!» Звучало по-дурацки, но я в тот момент был совершенно согласен с формулировкой. А потом почти сразу меня отпустило.

Я видел странный сон. Как будто бегу по перелеску с Лехой, Китом и всеми нашими на зарядку. И вижу в кустах ноги. Подхожу, а там тот парень с распоротым животом. Лежит, смотрит, как живой, и ни тени боли на его лице. «Ты, – говорит, – зря с Контуженой связался. – А голос, как у лифтерши. – Берегись теперь». Я говорю: «Не знаю я никакой Контуженой, мы в поселке только с парнями дрались». А тут Леха подходит, берет меня за руку и ворчит, оттаскивая: «Сколько раз говорить, не связывайся с местными».

Проснулся я уже утром. Живот побаливал, но терпимо. Открыл глаза – никого. Палата на четверых, и я один. Окно рядом. Я глянул: ничего себе, мы вчера проехали! А мне казалось, петляли целый час! За окном торчали одинаковые крыши таунхаусов и покосившийся домик, в котором мы били стекла. Даже забор лагеря было видать. Надо же! Совсем рядом.

Я смотрел на ботву в огороде и ситцевую юбку (верхняя половина склонилась над грядкой). В голову стучалось что-то важное, но я плохо соображал. Вспомнил лифтершу и ее: «Не трогай Контуженую», – и гадал, не приснилась ли? Парень-то с распоротым животом понятно, что приснился. Когда у самого болит живот, хоть вой, и не такое приснится. А вот лифтерша и какая-то Контуженая, чей дом, как бельмо в элитном поселке... Не шучу, я на эту Контуженую смотрел целый час, а до меня все не доходило. Мне было легко после вчерашнего и тяжело после наркоза. Голова не хотела думать о плохом, но голос лифтерши упорно стоял в ушах, а цветастый зад Контуженой маячил перед глазами.

Я однажды палец порезал, сильно, до кости. Смотрю и думаю: «Так не бывает». Отрицание – защитный механизм стариков и смертников. Вроде и вот оно, а я не верю. И тогда, глядя в окно, я чувствовал что-то похожее.

Глава VI

Сосед

Первые дни в больнице я почти не помню, все время спал. Иногда открывал глаза, потому что приходил доктор или сестра опять совала под мышку градусник. Иногда я просыпался просто так, но за окном была ночь, и приходилось засыпать опять.

День на четвертый палату стали осаждать родители и Леха с ребятами. Ко мне еще никого не пускали. Санитарка бегала с записками туда-сюда и медленно зверела. Мать писала, что они будут рядом до моей выписки, уже сняли квартиру в таунхаусе почти у меня под окнами. Кит ограничился лаконичным «выздоровливай». Только Лехе хватило ума передать мне рюкзак со шмотками, зубной щеткой, телефоном и всем необходимым.

Я радостно копался в рюкзаке, а санитарка еще стояла над душой, ей надо было убедиться, что мне не прислали ничего съедобного. В куче барахла нашелся бумажный пакет, хорошенько замотанный скотчем. В рюкзак я такого не клал, но мало ли... Было жутко любопытно, и пакет я, конечно, вскрыл.

Сперва на пододеяльник посыпалась грязь. Я прищипнул на нехорошее предчувствие и дорвал бумагу. На одеяло вывалился кусок глины. Повертев это в руках, я все-таки разглядел в куске человечка с хорошим пучком волос на голове. Волосы мягкие, точно не синтетика. В животе у куклы была ямка, будто след от иглы...

Не дав мне толком осознать, что это вообще такое, санитарка начала брезгливо стряхивать глиняную крошку с моего одеяла. На человечка она смотрела так, будто мне прислали живую змею.

– Гадость какая! Нашли куда поделки передавать, здесь послеоперационное отделение, а не санаторий! Дай сюда, выкину! – Она так требовательно протянула руку и так это сказала, что я дал. Завернул обратно в пакет с дурацкими котятками и дал. Сейчас и писать такое боязно, а тогда просто вложил пакет в протянутую руку и спросил, когда можно будет поесть. Санитарка пробубнила что-то невнятное, сунула мой пакет в карман и вышла.

В рюкзаке нашелся телефон, я успел по нему соскучиться. Битый час ковырялся в настройках просто так, потому что мне это нравилось. Потом поочередно врубал игрушки, уже старые, давно надоевшие, но тогда мне жутко нравилось в них играть. Соскучился. Меня никто не трогал, и я сам не заметил, как уснул.

Свет ламп щипал глаза, я видел только его и потолок. Сам, кажется, лежал на столе. Рядом цокали по полу каблук, до меня доносились голоса:

- Вот хирургам-то подарочек от волков!
- От волков? Откуда у нас волки?
- Ну может, кабан какой... Или собака так озверела. Проснется – расскажет.
- Там грязи – полная рана, просто битком. Сепсис там, а не проснется.

Разговаривали женщины, судя по голосам, немолодые. Кажется, они обсуждали меня, но причем тут собака, волк и какой-то сепсис? Живот болел немилосердно. Я пытался спросить: «Что со мной?» – но не услышал собственных слов.

- Будет труп, опять скажут: «Врачи виноваты».
- Нам-то что?
- За державу обидно.

Я подумал, раз эти две – не врачи, мое дело совсем плохо. Боль в животе резанула так, что хотелось орать, но я физически не мог издать ни звука, даже мычать не мог. Судя по разговору, я точно в больнице, и меня покусала какая-то собака. Но это чушь, я же помню, как сюда попал. А почему так больно и что эти две несут?

- Ладно, мне еще этаж мыть. Убирай.

Громыхнуло жестяное ведро, и лампочки на потолке сдвинулись. Вперед, вперед и вперед. Я понял, что меня куда-то везут, хотя по-прежнему ничего не видел вокруг, кроме этих лампочек. Даже не видел, кто везет. Хотел спросить, и опять не смог даже открыть рот. Свет вспыхнул перед лицом, тотчас погас, и стало темно и холодно. Ужасно болел живот.

Меня как будто парализовало. Хотелось вскочить, завопить, а я не мог даже пошевелиться. Меня окружала темнота, и мелкие щипки холода продирались сквозь кожу, заглушая боль. Я продрог. В морг меня отправили, что ли? Очень похоже: здесь холодно, и я не могу пошевелиться. Мама! Как там называется это состояние, когда человек кажется мертвым, а сам вполне себе живой? Живой, а его хоронят?

Я пытался уговаривать себя, что такое было только в глубоком Средневековье, с его средневековой медициной и такой же диагностикой. В современности это просто невозможно, но факты – упрямая вещь. Я в холодном темном месте, и я не могу говорить и двигаться!

Осознав это, я стал дергаться изо всех сил, ну то есть пытаться, и орать тоже. У меня было чувство, что я хочу вырваться из собственного тела, которое стало чужим и тяжелым. Каменные руки и каменные ноги не хотели слушаться, но мерзли, отчаянно мерзли, как живые. Я напряг связки, выдавил из себя какой-то мычащий звук, и сразу открыл глаза.

За окном шел дождь. Уличный фонарь подсвечивал капли и белые бугры подушек на пустых кроватях. На одной шевельнулась тень... Ничего, просто ветка за окном. Холод не проходил. Изнутри меня как будто разрывали тысячи мелких ледышек. Я дотянулся и стащил одеяло с соседней кровати. Темное, колючее, без пододеяльника, но кого это волнует, когда такой дубак. Я закутался в два одеяла и попробовал уснуть, но не смог. Я отчаянно мерз, как будто лежу в сугробе, а не в теплой больнице. А за окном сверкнула молния.

Обычно я не боюсь гроз, но тут в голову полезла всякая ерунда. Молния ведь может ударить, куда ей вздумается. Внизу, в одном из таунхаусов мои родители. А я здесь, может быть, я не зря оказался один в пустой палате. Если рассказы про ведьму – правда, то точно не зря. Пока я один, сюда может ударить молния, и случайные люди не пострадают. Только неслучайные. Только я. Ведьмы, они ведь умеют управлять стихией.

Громыхнуло так, что задребезжали стекла. Я плотнее закутался (холод не проходил) и вслух зубубнил дурацкую присказку: «Огонь-вода, не тронь меня». Это, кажется, осам говорят, но я другой не знаю. Молния за окном сверкнула ближе. Я ведь не боюсь гроз. Совсем не боюсь... Холодно. Я сидел на кровати (все равно не уснуть), кутался, стучал зубами, бубнил свой нехитрый заговор. А в углу напротив застонали.

Я так вздрогнул, что в животе кольнуло. От этого вырвался непрошенный вопль и потревожил моего соседа в углу. Он опять застонал, и я разглядел кое-как, на какой кровати он лежит. Свет фонаря с улицы туда почти не попадал, вот я и не увидел сразу. Наверное, его привезли, пока я спал. В темноте был виден только белый пододеяльник и темные волосы на подушке.

– Вы как там? Я вас не видел. Медсестру позвать?

Сосед что-то промычал, потом четко сказал: «Кукла!» – и захрипел, как в кино. Я не знал, что живые люди так могут. Конечно, вскочил (боль в животе опять резанула, но ходить было можно), подбежал к нему. Парень как парень. Лехе нашему ровесник. Закрит одеялом до подбородка и весь утыкан капельницами. Надо, наверное, позвать медсестру. Я уже развернулся, а он сказал:

– Стой! Не уходи, а то она меня достанет.

– Кто? Да я просто медсестру позову...

– Нет никакой медсестры. Не уходи, слышишь?

Я подумал, что парень бредит, мне под наркозом и не такое виделось. Решил не спорить и потихоньку попятился к дверям, бормоча: «Конечно-конечно».

– Стой! – взревел мой сосед. В этот момент я уже дернул ручку двери, и мне стало по-настоящему страшно.

Дверь была заперта. Я дернул, потянул, толкнул, дернул-потянул-толкнул, дернул-потянул-толкнул... Дверь была как будто замурована, она вообще не двигалась. Не шаталась, не ходила ходуном, когда дергаешь ручку. Она стояла намертво, куском дерева, вросшим в стену, а этот на кровати еще громче орал:

– Не уходи!

Я подумал, что на такие вопли медсестры должны сбежаться сами, и прислушался. Где ты, где, долгожданный стук каблуков по коридору, появись, пока я не сошел с ума в компании буйного!

– Ты еще здесь?

Молния за окном сверкнула совсем близко. В коридоре было тихо-тихо, я прислонил ухо к замочной скважине и услышал белый шум. Как в телефонной трубке. Что ж такое? Отчаявшись, я разбежался и долбанул в дверь плечом. Боль моментально отозвалась в животе, а уж потом в ключице, но чертова дверь так и не шелохнулась.

Я забарабанил в нее кулаками и завопил почему-то:

– Я здесь! – Как будто кто-то меня искал. Ах да, сосед.

Он даже успокоился, услышав мои вопли. Шумно выдохнул, шевельнулся...

– Эй, мы заперты. И медсестру не дозовешься... Апокалипсис прям.

Он шевельнулся странно, мне показалось, что он махнул рукой. За окном опять сверкнула молния. И этот еще... Чем я-то могу помочь? Ему и воды, наверное, нельзя, если он после операции.

– Что с вами?

Он, казалось, меня не слышал. Лежал и что-то бубнил в потолок, от наркоза еще не отошел, точно. Я стоял, прислонившись к двери, одним ухом слушая тишину в коридоре, а другим – соседа. Слов было толком не разобрать, я выхватил только: «лес», «ведьма», «хана». А потом он распахнул глаза, блестящие в темноте, и совершенно четко произнес:

– Береги куклу.

Я опять подумал, что он бредит, и он, будто подтверждая мои слова, забубнил так монотонно, будто рэп читает: «Глина, волосы – чушь, глина, волосы...»

На меня опять накатила холод, за окном гроыхнул гром. Молния сверкнула прямо в окна и осветила лицо моего соседа. Зрачков у него не было.

Наверное, мне показалось тогда, но подойти посмотреть я уже не решился. С криком я вскочил на свою кровать и подобрал ноги, как будто от мышки спасаюсь, глупо. Тогда я шумно опрокинул тумбочку (ну явись же, медсестра, хоть на грохот падающей мебели!) и стал отвинчивать ножку – какое-никакое оружие. Меня прорывала дрожь, то ли от холода, то ли от происходящего. Ножка поддавалась плохо, засаленная годами, она выскальзывала из рук. Я взял полотенце, и пошло веселее.

Сосед все еще бубнил про глину и волосы, а я наконец-то отвинтил ножку. Винт из нее торчал тоненький и длинный – то, что надо. Заточить бы еще... На пробу я ткнул ножкой в ладонь и взвыл, не рассчитав удара. Кровь моментально залила простыни, я намотал полотенце на руку, чтобы остановить. Жесткое, вафельное, оно больно впивалось в рану. Свободной рукой я сжимал ножку от тумбочки. Холод, прорывавший меня до костей, казалось, усилился. Я смотрел на соседа, не зная толком, чего от него ждать. Казалось, если он захочет, легко встанет и доберется до меня. Но он только нервно мотал головой, как будто потерял меня из виду. И все бубнил свое: «Глина-волосы-чушь». Я сидел и потихоньку пальцем пробовал остроту винта на ножке тумбочки. Так и унулся с этой ножкой.

Глава VII

Больница

Проснулся я от телефонного звонка. Мать радостно сообщила, что молния ночью повредила трансформатор, и весь поселок теперь без электричества. «Телик не посмотришь, ноут надолго не включишь, делать нечего, идем к тебе телефоны заряжать. Готов?» Шуточки у нее иногда, не соскучишься. Я сказал, что готов и чтобы они поторапливались, потому что... На этом месте я проснулся окончательно. Распахнул глаза и сам испугался собственных рук. Та, что держала телефон, замотана вафельным полотенцем с просочившимся пятном крови. Другая – еще сжимает ножку табуретки винтом наружу. Как я во сне не поранился – чудо... А кровать в дальнем углу была пустой.

Огляделся – никого, я один в палате. Похоже, моего соседа увезли ночью, а я не слышал. Санитары, наверное, долго ржали над моим видом.

– Что-то случилось? – Ах да, мать на связи.

– Нет, – говорю, – нормально все. Приходите скорее, у меня тут скучота.

Это я, конечно, соврал, чтобы не пугать раньше времени. Придут – сами увидят, что меня тут держат взаперти... Я отключился и быстро подскочил к двери: если ночью здесь кто-то был, может быть, он не запер дверь, когда уходил? Нет такого порядка, чтобы пациентов под замок, мы не в психушке. И туалета в палате тоже нет. Еще я ужасно хотел есть, пить и одеяло потолще: мерз как цуцик, пальцев на ногах не чувствовал. Завернулся в одеяло, какое было, пошлепал к двери, толкнул, дернул. Дверь по-прежнему была заперта. Что за ерунда?

Я стал стучаться и вопить, но, когда замолкал и прислушивался, коридор отвечал мне белым шумом. Разве такое бывает? Чтобы в длинном больничном коридоре не было ни души, ни шороха, ни писка. Ночью дежурная медсестра, допустим, спала, а сейчас белый день, а больница не подает никаких признаков жизни. Да ко мне уже почти сутки никто не подходил! Ночные санитары, забравшие соседа, – не в счет. Если он вообще был, сосед. Я не видел, как его привозили, как увозили. Приснился, может?

С перепугу я так вмазал в дверь ногой, что живот разболелся. Я стоял, согнувшись от боли, наверное, пять минут, и успел кое-что придумать. Странно, что раньше не догадался.

Я вытряхнул из рюкзака барахло, нашел нож и просто скрутил пластину допотопного больничного замка. Сломать личинку оказалось сложнее (молотка-то нет!), пришлось долбить ножкой табуретки. Упрямая личинка поддавалась не с первого раза. Я так по ней грохотал, что на шум уже должна была сбежаться вся больница, но никто не пришел. Когда я выломал, наконец, личинку, сдвинул ножом язычок и вышел, в коридоре было так же тихо.

Дежурной медсестры за столом не было. За приоткрытой дверью кухни никто не мельтешил и не гремел кастрюлями, даже вода в туалете не шумела. Туалет я навестил первым делом. Потом вернулся в коридор. У двери кухни стояли холодильники с двусмысленной надписью «для пациентов», я, конечно, полез. Можно – нельзя, мне никто не сказал, так что ж теперь, сидеть голодным? Наверняка мать еще вчера передала мне что-то съедобное.

В холодильнике почти ничего не было. Одинокое яблоко, явно давно забытое и бумажный пакет с накарябанной карандашом моей фамилией. Старательно не думая, куда делись все пациенты вместе с продуктами, я вытащил пакет, развернул...

На руки мне выпал кусок сухой глины с приклеенными волосами. Дурацкая поделка! Я же ее вчера в руках держал, дал санитарке выкинуть. Наверное, перепутала, сунула в холодильник. Вот и поели. Я стал звонить матери, чтобы поесть принесла, вдруг забудет. Последние дни все кувырком... Куклу я автоматически сунул в карман треников.

Трубку не брали. Ну да, у них же электричество вырубил! Телефон небось разрядился...

Я рассеянно прошел по коридору. Сунулся в ординаторскую (никого), на лестницу выглянул, но не стал спускаться, боялся пропустить мать. Заглядывать в палаты я откровенно побожился: сейчас сунусь, а там пусто. Я один на всем этаже, с чего вдруг? И доктор не приходил уже сутки, разве так бывает?

Первый час я бродил по коридору туда-сюда, иногда выглядывая на лестницу: не идет ли мать? И хоть бы кто-нибудь протопал или хоть лифт зашумел – тихо. От нечего делать я нажал кнопку вызова лифта. Вместо звука работающего механизма раздался резкий звонок: ну да, больничные лифты управляются изнутри. Сейчас кто-то познакомится с лифтершей... Но и лифтерша ко мне не торопилась. Из шахты не доносилось ни звука, что за чертовщина! В конце концов я вышел на лестницу, спустился в холл. Диван, пальма в кадке. Куча бахил в углу. И опять никого. Дернул входную дверь – заперто.

Тут меня переклинило, я начал дергать все двери подряд: «для персонала», «ординаторская», «главврач»... Некоторые были заперты, другие поддавались и открывали пустоту. В комнатах не просто никого не было, там не было жизни. Я не сразу понял, отчего мне так показалось, а сейчас дошло. Открытые шкафы, тумбочки, – все в комнатах пустовало. Ни бумаг на столе, ни курток на вешалке, ни частогола папок в шкафу за стеклом. Все ушли, а я остался, вот как выглядели комнаты. В открытой кабине лифта стоял одинокий стул. Я угнал ее на свой этаж и пошел ломиться в палаты: неужели я здесь правда один?!

Большинство палат было заперто, но те, куда я попал, встретили меня тишиной. Даже кровати были не везде. Что же случилось, куда все девались и почему оставили меня? Я прогулялся еще по этажам (езде было заперто) и спустился в холл дожидаться мать. Вообще, ей давно уже пора было появиться, тут всего-то сто метров пройти. Но мало ли какие дела могут задержать в доме без электричества. Электричество! Наверное, молния зацепила и больницу, вот и пришлось в срочном порядке всех эвакуировать! В темноте небось не прооперируешь... А почему меня забыли?

Казалось, это чей-то дурацкий розыгрыш или сон. Я даже ущипнул себя: сколько можно спать-то?! Ладно, сейчас мать придет... Я глянул на телефон: с момента, когда звонила мать, прошло уже часа четыре. Долго же она собирается! Набрал ее номер, послушал, что аппарат абонента выключен, и вспомнил про чертову молнию. А если что-то случилось? Мне тогда казалось, что случиться может все, что угодно. Я сидел один в абсолютно пустой больнице, не зная, почему и как это получилось, а мать все не шла. Несколько раз я поднимался в свою палату, чтобы посмотреть из окна на таунхаусы, не видно ли где родителей? Домишки стояли тесно, такие одинаковые, и на балконы никто не выходил.

Я переоделся в уличное (все равно здесь не останусь), собрал рюкзак и снова спустился в холл, дожидаться мать. Я мог бы пойти к ним сам, но понятия не имел, где конкретно обосновались родители. Эти домишки такие одинаковые! К тому же я боялся разминуться с матерью. Я уселся с ногами на диван, показав язык невидимой санитарке (даже мечтал, чтобы она выскочила и дала мне по шее), положил под голову рюкзак и опять уснул.

Проснулся от того, что луна за стеклянными дверями больно бьет в глаза. На улице была глубокая ночь, где-то в деревне лаяли собаки. Несколько секунд я привыкал к темноте, потом разглядел на стене выключатель, щелкнул... Света не было. Ну да, поэтому все и уехали, оставив меня здесь. Садовые фонарики на улице, подзаряженные за день солнышком, ничего толком не освещали, только светили в лицо, создавая еще больший мрак.

Я достал телефон, чтобы подсветить: двенадцать пропущенных вызовов! Надо же так крепко уснуть! Все были от матери. Она ведь собиралась ко мне, а почему не пришла? Случилось что? Ладно, если звонила, значит телефон у нее заряжен. Я набрал мать и опять услышал про «аппарат абонента выключен». Сердце заколотилось так, что его звук отдавался в телефонной трубке. Что за... И тут я услышал шаги.

Кто-то легкий, женщина или ребенок, бодро бежал вниз по лестнице, перескакивая ступеньки. Я нырнул за диван и тут же подумал: «Вот глупость, это наверняка мать ищет меня по всей больнице!» Ну и что, что я лежал у самого входа: во-первых, темно, а во-вторых, мимо спящего легко пройти, не заметив. Но выбрался я не сразу. Вскидывать и кричать: «Мам, я здесь», – было отчего-то боязно. Я осторожно высунулся и стал смотреть на дверь черной лестницы, кто бы там ни был, мимо меня не пройдет.

И тут меня накрыл приступ кашля. В горле свербило так, что я боялся выплюнуть легкие. Кашель мой эхом разносился по пустой больнице, перебивая шум шагов. Еще я подумал, что, кто бы там ни был на лестнице, теперь он меня точно заметит. А раскашлялся я не на шутку, аж слезы выступили. В какой-то момент мне показалось, что меня держат за горло: воздуха не хватало.

Я хрипел, а шаги приближались. Вот сейчас откроется дверь... Дверь действительно хлопнула, но не та, на которую я смотрел. Не помню, чтобы здесь был еще один выход... Если мать (а это, скорее всего, она) опять меня не найдет, мне несдобровать. Я, наконец, прокашлялся, подхватил рюкзак и побежал к лестнице, подсвечивая дорогу телефоном. Видно было прекрасно, даже песчинки на серой напольной плитке. Я потянул дверь на кондовой дребезжащей пружине и оказался на черной лестнице.

Здесь было темнее, чем в холле, окошко между пролетами совсем маленькое, и лунный свет почти не проникал.

– Мам...

– Я здесь. – Голос доносился будто из-под земли. Никаких посторонних дверей видно не было: лестница вверх, лестница вниз, в подвал... Туда она, что ли, отправилась? Проскочила выход, бывает. А почему не торопится выходить? Я спустился к подвалу и подергал дверь:

– Мам! – Заперто.

На всякий случай я постучал ногой и прислушался. За дверью был белый шум, как в телефонной трубке. Не знал, что в помещениях такое бывает. Показалось?

– Мам, ты здесь?

Тишина. Похоже, я и правда перележал в больнице. Но в любом случае кто спускался по лестнице и хлопнул дверью? Я подумал, что мать спустилась с этажа на этаж, но вспомнил, что все двери, кроме нашего отделения, были заперты. Я пробежал пару этажей вверх, но быстро выдохся. Отрезанный аппендикс напомнил о себе, и мне пришлось сесть на ступеньку передохнуть. На лестнице было тихо, я только свое дыхание и слышал. Дышалось тяжело, и шов побаливал. Я сидел и шарил по углам лучом телефона. Не знаю, что я хотел увидеть, но тут сзади кто-то легонько потянул меня за рюкзак.

Вопль вырвался сам собой, я даже не понял сразу, что ору. Рванул вперед, споткнулся, протаранил подбородком пару ступеней, вскочил... Телефон я держал впереди себя, как щит. И в голубом свете луча никого не было. Я завертелся на месте, как собака за своим хвостом, освещая обзор телефоном. Никого.

– Эй! Я таких шуток не люблю.

Тихо. Я пощупал рюкзак за спиной: «молния» застегнута. Опять показалось? Каких только вымышленных чудищ не встретишь ночью на пустой лестнице! В свет луча на полу попали чьи-то грязные следы, бахилы надевать надо. Что-то меня в этих следах смутило, но я не стал вглядываться, решил, что с меня хватит. Стал спускаться и все равно на полдороге понял: хозяин следов ходил босиком. Я четко видел пальцы, причем два из них... Чушь, чушь, хватит, хватит!

Первым делом, я вышел обратно в холл, там светлее. Уселся на подоконник и попробовал еще раз позвонить матери. «Аппарат абонента выключен», – кто бы сомневался. Вообще, пора было валить из больницы, даже если на лестнице была мать, она рано или поздно соберется

домой. Дойду до поселка, там разберусь. Хоть бы эсэмэской номер дома скинула, чем звонить двенадцать раз!

Ворча, я дернул ручку входной двери: конечно, заперта! Прекрасно, прекрасно, я заперт ночью в пустой больнице, мои родители неизвестно где, а телефон у них не отвечает...

Вот я болван! Как будто мне больше позвонить некому! Совсем здесь в больнице одичал. С этой мыслью, я стал набирать номер Кита. Ну и что, что второй час ночи, у меня экстренный случай. Трубку взяли сразу:

– Ну? – Конечно, я его разбудил.

– Кит! Меня заперли в больнице одного, представляешь? У них с электричеством что-то, все и уехали. Скажи Лехе, чтобы сказал моим, чтоб... Выручай, в общем! Я, конечно, могу высадить стеклянные двери...

– Какие двери? – Голос у Кита сонный-сонный, ясно, ничего человек не соображает. – Какие двери, когда тебя еще вчера выписали?

– Да никто меня не выписывал! Я здесь, в больнице, один...

– А что ты там делаешь? – Я пообещал себе, что прибью Кита, как только окажусь на свободе. Пока крикнул ему: «Спи!» – убрал трубку и решительно оглянулся в поисках чего-нибудь тяжелого. Дома меня, конечно, по головке не погладят, но не сидеть же здесь, пока не починят электричество?

Для начала я все-таки поковырял замок ножом, но чертова пластина сидела на очень мелких винтиках, мой нож был толще. Придется бить стекло. В холле стояли цветы на длинных металлических подставках. Я разгрузил одну, взял за ножку и попробовал на вес: то, что надо!

...Уже размахнулся, чтобы как следует садануть подставкой по стеклянной двери, и тут меня накрыл новый приступ. Кашлять в этот раз не хотелось и не могло, горло как будто сдавила невидимая рука. Я решил, что это от волнения: не каждый день я линяю из больницы и бью там стекла. Пальцы разжались сами собой, подставка звонка брякнула об пол. Я присел на пол и хватал воздух ртом, но его отчаянно не хватало. Уличные фонарики забегали перед глазами цветными пятнами. Знакомый голос где-то за спиной сказал: «Береги куклу», – и я шмякнулся головой об пол.

Легко стало почти сразу. Голова болела нещадно, зато стало можно дышать. Я еще лежал какое-то время, ни о чем не думая, просто наполняя легкие кислородом. Совсем расклеился я в этой больнице, уже в обмороки падаю. Надо вставать и выбираться отсюда. Сейчас ка-ак!.. Но едва я встал, горло опять стиснула невидимая рука. Присел – стало хуже. Тогда я растянулся на полу и сразу задышал. Что за ерунда?! Если я буду лежать, то сегодня отсюда не выберусь. И завтра и... Когда там все соизволят вернуться? Я вертелся на полу, ища удобную позу: рюкзак мешал. Тогда я его снял, отпихнул, и меня накрыл новый приступ удушья. А не надо было делать резких движений! Я корчился так и этак, пытаюсь лечь поудобнее, но невидимая рука по-прежнему сжимала горло, и перед глазами заплясали цветные фонарики. Я запрокинул голову, больно ударился о рюкзак, и тот гулко свалился на пол. Тогда мне сразу стало легче. Несколько секунд я просто дышал и наслаждался тем, что дышу. А потом попробовал встать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.